Юрий Нагибин

Вот и апрель. Казалось бы, что неожиданного может принести этот месяц, который называют «весной воды»? А пожалуйста! То запредельная жара днём, то мороз, прямо-таки зимний, ночью. Так и писатель, о котором речь пойдёт сегодня. Казалось бы, Юрий Нагибин - советский детский писатель, из программы внеклассного чтения ваших мам и бабушек, когда учились они классе в пятом. Что интересного? А всё интересно.

Два тома прозы Юрия Нагибина, изданные в середине 90-х годов, вызвали сенсацию. Честно говоря, до того, как я их прочитала, мне заглядывать в книги Нагибина не хотелось. Но «Дневник», «Тьма в конце тоннеля», «Моя золотая тёща», «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя» заставили меня перечитать всё, что есть в нашей библиотеке из произведения Юрия Нагибина: и биографии великих, Тютчева, Чайковского, Фета, и «Огненного протопопа», о протопопе Аввакуме) и новеллы о природе, и чудные рассказы о Москве, и военную прозу, и детские рассказы. Какой русский писатель открылся передо мной! Строгий, точный в слове, чутко и остро воспринимающий мир. На кого из русских классиков он похож? На Бунина, пожалуй. Бунин, кстати, и отец Нагибина, земляки. А в рассказ «Эхо» можно просто влюбиться! Двое детей накануне первой влюблённости… Полная открытость, доверчивость и предательство, и умение прощать…

Оказывается, даже появление Юрия Нагибина на свет было окутано тайной. После смерти матери, разбирая старые письма, он узнал, что человек, которого он всю жизнь считал отцом, таковым не был. В письме к матери, человек, о котором Юрий Нагибин мало что знал, писал: «Милая Ксёнушка!…Я зашёл слишком далеко, чтобы повернуть назад. Прости меня. Мы ведь знали, что нам нельзя иметь ребёнка. Но что делать, если будущий гражданин так хотел появиться на свет. Слушай меня внимательно. У него должен быть отец… Мне не выкрутиться. Тебе нужна защита. С таким грузом, как я, не выплывешь…(Затем этот человек пишет, что мать Юрия должна выйти замуж за Марка Яковлевича Левенталя, которого Юрий Нагибин считал своим отцом), за ним могучая семья… Это бастион – тебе не дадут

пропасть...» Настоящий отец Юрия Нагибина был расстрелян красноармейцами во время подавления крестьянского бунта. За сочувствие мужикам.

Да, Юрий Нагибин жил, считая себя наполовину евреем, испытав унижения и тяготы судьбы полукровки не в половинном, а полном объёме. Однако дожить оставшееся «без комплексов», сознавая себя исконно русским человеком оказалось ещё труднее. Когда вы станете чуть старше, вы прочитаете об этом в страстной антифашистской повести Юрия Нагибина «Тьма в конце тоннеля».

Этому человеку 3 апреля исполнилось бы 90 лет. О нём говорили, что лицо его во все поры жизни, от юных лет до глубокой старости, не теряло красоты. Голова в роскошных сединах, с ещё пробивающимися тёмными прядями, породистое, изрезанное крупными морщинами лицо, молодые всезнающие печальные глаза. Мне случалось слышать о нём: «Барин». И это в нём было. А какой он был ещё? В детстве, в юности?

Он рано ощутил себя «не таким» как дети, живущие по соседству. И дело не в том, что действительно «барин», его мать была «её благородием» и осталась им до конца жизни. Юрий Нагибин был интеллигент до мозга костей. Занятно, но, как он сам пишет, младенцем, после всех «мням-мням», «тпруа», «бо-бо»..., он отчётливо и громко произнёс «интеллигенция». Затем, помолчав и словно подумав, сказал: «электричество», после чего, потрясённый этими лингвистическими подвигами, заткнулся, по его словам, на целый год.

Прошло время, и мальчик Юра Нагибин стал догадываться, что в большом мире, а большим миром были для него в ту пору два двора, примыкающих к дому, интеллигентов не слишком жалуют. Восьмилетнего Юру неудержимо влекло к обитателям двора. Но он чувствовал себя среди них белой вороной. Дело было не в одежде, не в манерах. Он не понимал, в чём? Он научился виртуозно гонять колесо с помощью загнутого на конце железного прута, стрелял из рогатки с меткостью Вильгельма Телля, бесстрашно воровал пустые бутылки... Он решил, что его презирают за неучастие в драках. И, хотя с детства ему мучительно было причинять боль другому человеку, он

решил драться. Он подрался и победил самого сильного мальчика во дворе… Всё равно он был чужак. Чужак, что бы он ни делал.

И только умная и проницательная девушка, в которую он, восемнадцатилетним выпускником школы влюбился, оказалась тонкой и проницательной: «Как быстро она заметила мою худобу и тонкие пястья, а другим бросаются в глаза мои широкие плечи и крепкая грудь – признаки устойчивости, а я неустойчив, тонкие, лёгкие кости отвечают моей внутренней сути: хрупкий, непрочный, ранимый…». Так и повелось: читающая публика замечала внешнее благополучие, не желая знать об общественном суде над автором сценария фильма «Председатель», очернившим «нашу советскую действительность», об инфаркте в 42 года, о чёрном списке, куда Нагибин был внесён после вечера памяти Андрея Платонова… Конечно, что ему, баловню властей, сделается… Барин. А девушка потом стала его женой, а затем судьба развела их, но чувство к ней Нагибин сохранил до конца дней.

Да, он таким и был, хрупким и ранимым, таким оставался до конца жизни, целью которой, как он пишет, было сохранить в себе те хрупкие моральные ценности, что были подарены ему генетически и воспитанием.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь